

Место непримиримой нации вакантно

КИНО

Дмитрий Астрахан пристыдил зрителя еврейским погромом

Век. - 1997. - № 22. - с. 11

Антон МАШИН

Дмитрий Астрахан стремительно дебютировал как кинорежиссер лет десять назад картиной «Изыди!». Последующими лентами «Ты у меня одна» и «Все будет хорошо» зарекомендовал себя приверженцем так называемого народного кино. Его новая работа «Из ада в ад» — уже совсем даже не сказка, а скорее трагедия, причем националистическая. Вслед за Владимиром Хотиненко, снявшим «Мусульманина» — патристическую трагедию, Астрахан взялся за не менее щекотливую тему. Образом принявшего ислам Коли Иванова Хотиненко пристыдил непримиримых русских, именующих себя православными, но вопреки вере нетерпимых к чужакам, «белым воронам». «Из ада в ад» — очередная попытка поднять так называемый еврейский вопрос, проблему фатального неприятия евреев, тоже «белых ворон», любовью иной нацией — будь то поляки или кто-то другие. Место непримиримой нации вакантно, и надо полагать, что навсегда.

Режиссер работал над лентой вместе со своей постоянной командой — сценаристом Олегом Даниловым, оператором Юрием Воронцовым, композитором Александром Пантыкиным. Актерский состав против обыкновения беззвездный — в главных ролях Анна Клинка (Германия), Алла Клюка, Геннадий Назаров.

Безусловно, национализм не красит никакой народ. Человеческое сообщество, претендующее называться цивилизованным, рассматривает его как по-

стыдное явление. Астрахан берет за табуированную тему и чуть ли не аллегорически укрупняет ее. Тема щекотливая, поэтому на ней можно «сыграть». Выносит на всеобщее обозрение стыдное, запретное — любуйтесь. К счастью, однако, он сумел вовремя остановиться и не раздуть соблазнительный эпизод кровавого погрома до масштабов картины, в чем он бы оказался далеко не первооткрывателем. Оттого создается иллюзия тонкого прочувствования материала. Увы, всего лишь иллюзия. Астрахан складывает фильм, как портретную галерею, в динамике. «Из ада в ад» изобилует эффектными, претенциозно снятыми крупными планами. На крупных планах практически работают все актеры, ярко, остро, пережимая в выразительности, чрезмерно контрастно, отчего герои приобретают аллегорический смысл. Представление о евреях как вечных мучениках не ново, просто из всей палитры Астрахан выбирает наиболее броские тона. Потому что цели своей он

не скрывает: открыто пристыдить зрителя.

В фильме масса шаблонных, натянутых (или даже «перетянутых») образов, эффектных своей обычной табуированностью. Польская бездетная семья бежала от фашистов еврейского ребенка, и девочка тоже стала думать, что она нееврейка. Неожидаемое появление настоящих родителей вызывает потрясение. Дочка не хочет их признавать, а когда признает — от нее отворачиваются друзья. Недолгая послевоенная идиллия, единение двух народов неминуемо приводят к погрому — кульминации фильма. И прежде не скупившийся на яркие, броские краски в этой сцене режиссер использует их и вовсе без меры. Он явно перебрал с кровавым натурализмом. Он проводит своих героев от одного скорбного исхода до другого. Вместо хэппи-энда — проклятья в спину уходящим, а в перспективе — обреченность. Ведь ни один народ до конца не знает, как избавиться от чумы национализма.